

УДК 82;091

DOI 10.29003/m3154.0514-7468.2023_45_1/89-97

В.И. ВЕРНАДСКИЙ В ДОМЕ ЛЮБОЦИНСКИХ НА ЗУБОВСКОМ БУЛЬВАРЕ

Л.К. Алексеева*

Статья посвящена видным деятелям науки и культуры XX века, связанным с доходным домом на Зубовском бульваре в Москве. Ныне в этом здании располагается Государственный музей истории литературы имени В.И. Даля и развёрнута экспозиция, касающаяся этой темы.

Ключевые слова: Литературный музей, Вернадский, Любоцинские, Шаховской, Серебряный век, Крымский контекст, Приютинское братство, клуб «Ноосфера», Зубовский бульвар, 15.

Ссылка для цитирования: Алексеева Л.К. В.И. Вернадский в доме Любоцинских на Зубовском бульваре // Жизнь Земли. 2023. Т. 45, № 1. С. 89–97. DOI: 10.29003/m3154.0514-7468.2023_45_1/89-97.

Поступила 20.01.2023 / Принята к публикации 08.02.2023

V.I. VERNADSKY IN THE LYUBOSHCHINSKY HOUSE ON ZUBOVSKY BOULEVARD

L.K. Alekseeva, PhD

State Museum history of Russian literature named after V. I. Dahl, Moscow

The paper is devoted to prominent figures of science and culture of the twentieth century associated with the apartment house on Zubovsky Boulevard in Moscow. The State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl is now located in this building and an exposition concerning this topic is set up.

Keywords: Literary Museum, Vernadsky, Lyuboshchinsky, Shakhovskoy, Silver Age, Crimean context, Priyutinskoe brotherhood, the Noosphere Club, 15 Zubovsky boulevard.

For citation: Alekseeva, L.K., "V.I. Vernadsky in the Lyuboshchinsky house on Zubovsky Boulevard", *Zhizn Zemli* [Life of the Earth] 45, no 1, 89–97 (2023) (in Russ., abstract in Engl.). DOI: 10.29003/m3154.0514-7468.2023_45_1/89-97.

Введение. Новая локация ГМИРЛИ имени В.И. Даля в доме № 15 на Зубовском бульваре вошла в разветвлённую систему мемориальных домов и музейных помещений Гослитмузея под именем Доходный дом Любоцинских–Вернадских, став его центральным офисом и главной выставочной площадкой. В дальнейшем здесь предполагается разместить экспозиции по истории литературы XX века, которые будут взаимодействовать с уже существующей экспозицией, посвящённой истории дома и его жильцов под названием «Зубовский, 15: дом науки, литературы, искусства».

Строительство дома, общественная деятельность и родственные связи Любоцинских и Вернадских. Доходный дом построен в 1912 г. художником-передвижником, учеником В.Д. Поленова, путешественником и архитектором Григорием Фёдоровичем Ярцевым (1858–1918), прибывшим в Москву в 1907 г. Заказчиком строительства выступил тамбовский помещик Марк Маркович Любоцинский, тоже недавний москвич: семья Любоцинских поселилась на Зубовском бульваре в особняке начала XIX века в 1902 г. (рис. 1). Пережив

* Алексеева Лариса Константиновна – к.ист.н., зав. Отделом Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля, Москва; lk_alekseeva@mail.ru.

Рис. 1. Марк Маркович Любощинский с детьми и родственниками в доме на Зубовском бульваре. Москва. 1917.

Fig. 1. Mr. Mark M. Lyuboshchinsky with his children and relatives at his house in Zubovsky Boulevard. Moscow. 1917.

баррикады 1905 г. на Пресне, он решил, как свидетельствует семейное предание, защитить своё гнездо от революционных беспокойств улицы, выстроив перед усадебным домом доходный.

В семье Марка Марковича (1864–1952) и Анны Егоровны (1864–1952) Любощинских было девять детей. Родственными узами Любощинские были связаны с В.И. Вернадским: Анна Егоровна приходилась младшей сестрой Наталье Егоровне (1860–1943), жене гениального учёного и мыслителя. Обе сестры принадлежали потомственному дворянскому роду Старицких. Егор Павлович Старицкий и Марк Николаевич Любощинский – отцы семейств – были высокопоставленными чиновниками, сенаторами, членами Государственного совета, крупными землевладельцами, т. е. принадлежали к дворянской элите. У Старицких были большие владения в Полтавской губернии. Любощинские и Вернадские владели землёй в Тамбовской губернии. Дети получали хорошее образование, а сыновья продолжали заниматься государственной, общественной и политической деятельностью, в чём немало преуспели.

Знакомство сестёр Старицких, Любощинского и Вернадского, по-видимому, следует отнести к середине восьмидесятых годов позапрошлого века. Почти ровесники, Марк Маркович и Владимир Иванович учились в Санкт-Петербургском университете: Вернадский на естественном отделении физико-математического факультета, а Любощинский – на юридическом; оба, как и их избранницы, увлекались народническими идеями, стремились к более справедливому социальному устройству общества, а в дальнейшем стали видными деятелями

либерального земского движения. Женились они с разницей в два года (в 1886 и 1888), но на какое-то время их пути расходятся: Вернадский уезжает в заграничную командировку для стажировки и совершенствования знаний, а Любоцинский выходит в отставку, и его семья перебирается в Тамбовскую губернию. Здесь они с женой занимаются хозяйством, рожают и воспитывают детей, а также ведут строительство, устраивают школы, больницы, т. е. занимаются развитием инфраструктуры для крестьян. Образно эта пара напоминает толстовских персонажей, будто являясь реальным воплощением и продолжением истории Левина и Кити Щербацкой. Анну Егоровну Любоцинскую целиком захватило материнство, но в ней, как пишет её старшая сестра, всегда шла глубокая внутренняя работа, она всей душой стремилась войти в трудную жизнь крестьян, помогать им всячески – физически и духовно. *«Мы оба с Владимиром не только горячо любили её, но и высоко ставили. Удивительный она была человек»* [5, с. 153].

Вернадский в молодые годы также увлекался идеями Толстого: социально-политическая деятельность занимала его не менее, чем научная. Видный земский деятель, один из организаторов Конституционно-демократической партии, член Государственного совета от Академии наук, он – человек с выраженным позитивным социальным темпераментом, проживший долгую и очень непростую жизнь, отразившуюся в огромном комплексе источников. Его научной биографии и творческому наследию посвящены многие исследовательские работы, прежде всего, Г.П. Аксёнова [1]. Собрание сочинений, писем, дневников Вернадского включает двадцать четыре тома, и это наследие ещё только предстоит по-настоящему освоить. Учёный всегда был настроен исключительно на размышление и созидание в противовес всякому разрушению, которому умел сопротивляться. Наталья Егоровна была не просто женой – другом, единомышленником, разделявшим убеждения мужа на протяжении более полувека.

Интересно проследить взаимоотношения этих родственных семейств во времени и в пространстве: Петербург, Москва, Полтава, Тамбов, Крым, а далее Европа и США, где оказались дети Любоцинских, Вернадских, Старицких. Их история – настоящая семейная сага, уходящая корнями в глубокое прошлое и продолжающаяся в веке двадцатом. Составлением родословной, сводя информацию из семейных архивов, плодотворно занимаются правнуки Любоцинских, с которыми Гослитмузей поддерживает контакты.

В 1892 г. Любоцинский и Вернадский вместе работали на голоде в Тамбовской губернии. *«У нас оказалось совершенно одинаковое настроение с Марком»*, – подчёркивая важное, пишет жене Вернадский, подробно описывая заботу о кипячёной воде в столовых, дезинфекционных средствах, устройстве врачебных пунктов помощи крестьянам и т. д. В этом же письме он сообщает о намерении строить свой дом в Вернадовке и консультациях Марка Марковича по делам строительства – *«выслушал целые лекции о стройке»* [3, с. 483]. Через десять лет, переехав в Москву, Любоцинский будет служить в строительном ведомстве. Московский период родственных связей двух семейств мало исследован и может быть едва обозначен. Продолжая семейную хронику, следует отметить, что сына Любоцинских, Марка, уже студента, Вернадский брал с собой в США в 1913 г., куда ездил на сессию Геологического конгресса. В 1916 г. учёный побывал в имении Горная Щель (над Ялтой) у старшей дочери Любоцинских, Софьи Марковны, вышедшей замуж за М.А. Бакунина, племянника известного философа. У Бакуниных Вернадские оказались также в разгар Гражданской войны в январе 1920 г.: тогда учёный, едва оправившийся после тифа, обдумал и сформулировал свою концепцию живого вещества.

То, что с ним произошло в Крыму, Вернадский описывал как духовный переворот, провидение всей будущей своей жизни: *«Я ясно стал сознавать, что мне суждено сказать*

Рис. 2. Владимир Иванович и Наталия Егоровна Вернадские. 1913. Фотография К.А. Фишера.
Fig. 2. Vladimir Ivanovich and Natalia Yegorovna Vernadsky. 1913. Photo by K. A. Fisher.

человечеству новое в том учении о живом веществе, которое я создаю, и что это есть моё призвание, моя обязанность, наложенная на меня, которую я должен проводить в жизнь – как пророк, чувствующий внутри себя голос, призывающий его к деятельности. Я почувствовал в себе демона Сократа. Сейчас я сознаю, что это учение может оказать такое же влияние, как книга Дарвина, и в таком случае я, нисколько не меняясь в своей сущности, попадаю в первые ряды мировых учёных. Как всё случайно и условно. Любопытно, что сознание, что в своей работе над живым веществом я создал новое учение и что оно представляет другую сторону – другой аспект – эволюционного учения, стало мне ясным только после моей болезни, теперь» [4, с. 258].

Научно-философская идея учения о живом веществе овладела Вернадским ещё в молодые годы. В одном из писем жене в первый год их совместной жизни 24-летний Владимир

Иванович писал: *«Я хочу понять те силы, какие скрываются в материи, я хочу узнать те причины, которые заставляют её являться миру в тех правильных, математически гармоничных формах, в каких мы всюду видим и чувствуем её. И одно из звеньев этой гармонии материи – мы сами и все живые существа»* [3, с. 96]. Мощное притяжение Крыма, как географического и культурного феномена, всегда привлекавшее Вернадского, и горное пристанище Бакуниных-Любоцинских, как дом, опора, семейные устои, дарующие покой, защищённость в лихолетье, стали для него тем самым гармоничным, животворящим пространством, способствующим не только выздоровлению – пробуждению идей и рождению глубоких мыслей.

«Приютинское братство»: трансформация идеи. Говоря об источниках размышлений учёного о живом веществе, соединяющем материальные и духовные начала бытия, необходимо сделать небольшое, но важное отступление, связанное с идеалами юности Вернадского, оказавшими влияние на всю последующую жизнь учёного, его человеческие отношения и философские воззрения.

Всегда поддерживая семейные отношения, в молодости настоящее духовное родство Вернадские испытывали к своим друзьям по «Приютинскому братству» [6, с. 106–108]. Это было сильное притяжение, молодая дружба интеллектуалов и романтиков, которая в юности часто сильнее традиционных семейных связей. Кружок, сложившийся в Санкт-Петербургском университете, объединил близких по духу молодых людей, разделявших идеи Л.Н. Толстого и стремившихся к совершенному идеалу осмысленного и полезного существования. В кружок входили Фёдор и Сергей Ольденбурги, Владимир Вернадский, Александр Корнилов, Иван Гревс и Дмитрий Шаховской. Они мечтали об идеальном месте для совместного творческого и деятельного проживания, которое бы стало духовным центром правильной и праведной жизни, *«для освеженья от города, для связи с внутренней Россией, для знакомства с деревенским людом <...> для нормального воспитания уже существующего и всё увеличивающегося молодого поколения»*. Члены братства считали необходимым воплощение их духовного единства и в реальной жизни. Эта бытовая форма братства получила название Приютино – молодые люди *«желали иметь обций уголок земли, в который могли бы в трудный <...> момент жизни <...> найти временный приют»* (цит. по: [2, с. 106]).

Впервые эта идея совместной жизни нашла своё воплощение в замысле Ольденбургов и Гревсов, живших в Петербурге по соседству, которые решили поселиться в одной квартире. Квартира, по словам Ивана Гревса, должна была стать центральным пунктом братского единения. Но затем возникла мысль об обустройстве Приютина на земле, в каком-то поместье. Князь Дмитрий Иванович Шаховской, поселившийся после окончания университета в Тверской губернии, предлагал основать Приютино в своих имениях Малашкино, а затем Лопатино. Владимир Иванович, хотя и готов был предоставить для общежитного существования свою Вернадовку, мечтает о Крыме: *«Мне страшно хочется света, тепла – я мечтаю о юге <...>, – писал он жене 7 июня 1893 г. – Меня туда влечёт в сильной степени моя любовь к греческой древности, к той эпохе, когда человеческая – и физическая и духовная – личность достигала такой красоты. Здесь было влияние Милета, Афин, отсюда на границе с незатронутым ещё наукой и философией северо-востоком проникла высшая форма человеческой культуры до Перми и до степей Восточной Азии. Я думаю об этом, и бессвязно хорошее чувство родится во мне, и я что-то переживаю»* [3, с. 527]. Отношение к российскому средиземноморью как к благодатной земле, сохраняющей коренную связь с античностью, побуждающей к возвращению высоких идей человеческого духа и коллективным усилиям на этом поприще, отчётливо прослеживается в мировоззрении многих творческих личностей рубежа веков. И для молодого учёного, занимающегося минералогией

и кристаллографией, Крым привлекателен не только с практической точки зрения. Важна для него и научная среда, и он уверен, что Крым – «...это почти единственное место, где я сразу могу найти людей и одинакового образа мыслей и деятельности, людей, которые давно там живут и слились с местной жизнью» (2 ноября 1888 г.) [3, с. 188]. Кроме того, кружковую идею он развивает дальше, говоря о необходимости дружеских отношений с возможно бóльшим числом людей. Значение Приютина он понимал как духовного центра для нескольких поколений: «Мне кажется, что наша обязанность (т. е. всех людей теперь) заботиться не только о достижении известных, нужных теперь, в настоящую минуту вещей, но и в том, чтоб устроить живую клеточку, из которой *постоянно* бы выходило больше бойцов и работников идеи, которая бы постоянно росла бы, вот такую единицу должно представить Приютино» [3, с. 204].

Размышления и споры о том, где – на севере или на юге – должно осуществиться благословенное Приютино, велись более десяти лет, до середины девяностых годов. Но постепенно приютинцы всё дальше уходили от конкретного выбора. Сказывались профессиональные занятия и интересы, влияли семейные обстоятельства – друзья женились, заводили детей, выросли, мужали, и жизнь коммуной, на земле, уже не казалась такой уж идеальной. Вернадский, а временами и Гревс, начали сомневаться в возможности осуществить Приютино в реальной жизни. В итоге, как пишут исследователи, братство оказалось не связанным ни с одним конкретным географическим пунктом, ни с одним конкретным практически достижимым делом. Но так ли это?

Отметим, что идею Приютинского братства как единой духовной общности Вернадский и его друзья сомнению не подвергали, твёрдо держась вместе и в течение многих лет отмечая годовщину создания общества. Что же касается совместного проживания, то и эта идея исчезла, как нам кажется, не окончательно. На роль «общего дома», готового принять под свою крышу друзей, единомышленников, интеллектуалов, вполне может претендовать доходный дом Любоцинских – как в предвоенное время, в годы первого своего заселения, так и в постреволюционную, уже советскую бытность.

Сопрягая мысли о Приютине с домом на Зубовском бульваре, восстановим хронику событий. Первыми из Петербурга в Москву перебрались Вернадские. С осени 1890 г. Владимир Иванович начинает преподавательскую деятельность в Московском университете, заведует Минералогическим кабинетом, много ездит, собирая для него материалы. В 1902 г. в Москву перебираются и Любоцинские – надо было учить подростков детей. Тогда и был куплен особняк на Зубовском бульваре, в котором поселилась их большая семья и где часто бывали Вернадские. С большой долей вероятности, идея строительства 26-квартирного дома и кандидатуры его будущих жильцов в семейном кругу обсуждались. Косвенным подтверждением этому может служить перечень первых жильцов дома, куда входят ближайшие друзья и знакомые Вернадского: «приютинец» князь Дмитрий Иванович Шаховской, Павел Николаевич Новгородцев и юрист Владимир Игоревич Грабарь, с которыми Владимир Иванович познакомился за границей и был дружен в Москве, Сергей Николаевич Булгаков, Николай Альбертович Кун, Борис Александрович Фохт (исследователь геологии Крыма К.К. Фохт был известен Вернадскому с детства). Подбор имён не выглядит таким уж случайным – это близкий Вернадскому круг московской интеллигенции. Сам он сначала снимал жильё, а затем (с 1904 г.) жил на казённой квартире во дворе Московского университета. Возможно, и вопрос о переезде в дом свояка не был для него совсем праздным. Но в 1911 г., когда обустройство дома подходило к завершению, Вернадские покидают Москву: Владимир Иванович вместе с группой профессоров в знак протеста против политики министра просвещения уходит из университета. Семья

возвращается в Петербург. Но дом Любоцинских становится для него тем самым Приютиным, о котором мечталось в юности. Конечно, спустя почти двадцать лет, это уже так не формулируется, но здесь селятся родственники, друзья, единомышленники, в особняке Любоцинских у Владимира Ивановича есть свой рабочий кабинет, т. е. именно родственное владение и стало искомым местом, где он всегда находил приют, душевный покой и силу. Присутствие в этом доме семьи Ивана Дмитриевича Шаховского, организатора первого Приютина и одного из самых близких друзей Вернадского только подтверждает мысль о том, что идея проживания творческих людей в одном доме не была спонтанной и имела более глубокие корни. Она была не только реализована, но получила спасительное для многих его обитателей продолжение в постреволюционные годы.

В трагическое время революции и Гражданской войны Любоцинские в одночасье перестали быть домовладельцами и помещиками, превратившись в «чуждые элементы». Семья потеряла двоих сыновей, старшие дети – Софья, Марк и Павел – уехали из страны, затем были арестованы и высланы Марк Маркович и дочь Наталья. Но рядом с Анной Егоровной, женщиной удивительной доброты и стойкости, оказались сестра Мария, брат Павел, племянники со стороны Старицких, чьи родители также оказались за границей. Это помогло Любоцинским сохранить за собой особняк в пору уплотнения, и этот «ноев ковчег», несмотря на все несчастья и беды, удержался на плаву. Анны Егоровны не стало в 1930-м. В 1932 г. Марка Марковича при содействии Вернадского удалось вывезти за границу к старшим детям: деньги за разрешение выехать из СССР на лечение глаз – 60 тысяч рублей золотом – собирали всей эмиграцией.

Непросто складывалась и судьба Вернадских. Их дети, сначала Георгий, а позднее и Нина, покинули Россию. Владимир Иванович этого не сделал, хотя побуждения к тому были. Его имя, статус, научная известность давали ему возможность занять достойное положение в любом из европейских университетов. Но он принял другое решение, и тот духовный переворот, который он пережил в Крыму в 1920 г., захватившие его мысли о живом веществе и работа во вновь созданном при Врангеле Таврическом университете, безусловно, имели к этому отношение. Крымский дневник Вернадского 1920–1921 гг. – документ потрясающей силы. Это наблюдения учёного, анализирующего события в ином масштабе: *«Пережил развал жизни, разрушение, неудачные и довольно мало осмысленные попытки творчества, зёрна и нити больших идей, которые закрыты грязной пеной и мутой. Огромное количество преступлений, крови, мучений, страданий <... > Страх охватывает не только гонимых и побеждённых – но, что удивительно, гонителей и победителей. <... > Происходит процесс крупнейшего характера, я ему придаю огромное значение; вижу живые и не проходящие быстро черты, которых не видят другие, вовсе не считаю, что всё это создание невежд и преступников <... > Думаю, что он захватил серьёзные основы жизни и включает большие положительные начинания – но всё это не есть творчество новой социальной жизни»* [4, с. 323–324]. Поэтому свою задачу учёный видит в сохранении научной мысли, организации высшей школы, реформе образования: *«Не знаю, сделал ли я ошибку, оставшись? С одной стороны, чувство России, нежелание расстаться с Ниночкой, некоторый страх перед новым путём – перед овладением Севском – тогда на меня повлияли! И сейчас много мечтаний и предположений. Может быть, явится соблазн большой государственной работы по высшей научной работе и по образованию в России?»* [4, с. 328]. Он ещё мечтает об Институте живого вещества на берегу океана в Америке, как это ему пригрезилось в его видении в Горной Щели, но рядом возникла надежда на возрождение здесь, в России: *«... в умственных центрах науки идёт переоценка ценностей и подымается то чувство и та мысль, которая, конечно, сметёт во многом убогое построение коммунизма, всё оброс-*

шее полицейской корой» [4, с. 328]. Эта запись сделана в поезде, увозящем Вернадских и его коллег по университету из Крыма.

Владимир Иванович помогает им обустроиться в Москве. Не без его содействия доходный дом Любоцинских перешёл в ведение ЦКУБУ – Центрального комитета по улучшению быта учёных, и продолжил своё существование «в статусе Приютина», т. е. места проживания для тех, на кого власть смотрела настороженно, но до времени не хотела ссориться. Поэтому к оставшимся здесь учёным, врачам, юристам добавились новые, в частности, приехавшие с Вернадским из Крыма и из других городов России — философ, психолог, педагог Иван Пименович Четвериков, археолог и этнограф Борис Сергеевич Жуков, филолог Максим Владимирович Сергиевский. Здесь получает квартиру семья погибшего в Крыму профессора и выдающегося математика Константина Алексеевича Андреева; его дочь станет женой В.К. Шилейко, и новую семью своего бывшего мужа будет посещать Анна Андреевна Ахматова. В 1923 г. квартиру в доме получает семья Кардовских, к которым она тоже заходила. Став пристанищем для всех этих людей, дом продолжал быть накопителем интеллектуальной и творческой энергии, будто впитав в себя мысль Вернадского о живом веществе, о проникающей силе разума.

Конечно, он был далёк от того идеального образа райского Приютина, о котором когда-то мечтали молодые интеллектуалы на берегах Невы. Не всех он смог защитить и спасти в годы репрессий. Самой тяжёлой потерей для Вернадского стала гибель в 1938 г. его ближайшего друга, 78-летнего Дмитрия Ивановича Шаховского¹, за жизнь которого он бился до последнего. И кажется, по логике жестокого века, Вернадский тоже не должен был уцелеть... Его происхождения, «порочащих связей» с контрреволюцией и заграницей, переписки, дневников было для этого предостаточно. Остаётся вслед за учёным верить в защищающую силу ноосферы, о которой он так много размышлял. Он был уверен, что будущее человечества определяет переход биосферы в ноосферу, а значит, эволюция в социальной жизни человечества всё же возможна.

Во времена «оттепели» бывший доходный дом, заселённый новыми жильцами, попал в художественную ленту Льва Кулиджанова «Дом, в котором я живу» (1957). Вместе со своей женой, кинодраматургом Натальей Фокиной, внучкой Любоцинских, они жили в её родном доме на Зубовском бульваре. О семье Любоцинских по воспоминаниям их московских потомков снят документальный фильм «И схлынут воды...» (2006, режиссер А. Б. Можаяев).

Музеефикация истории дома. Клуб «Ноосфера». Новое дыхание дом на Зубовском бульваре обрёл в XXI веке (рис. 3). Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля видит свою задачу в том, чтобы найти адекватную форму для современного восприятия множественных историй, связанных с домом, развернуть его мемориальную и «интеллектуальную» составляющие так, чтобы представить человека, «защищённого» мыслью, словом, воспитанного чтением. И наш поиск мы также соотносим с понятием «ноосферы», желая создать условную реальность, насыщенную многими мыслеформами для представления подвижной и сложно устроенной панорамы прошлого века.

Информацию о доме и его жильцах музей аккумулирует с помощью потомков Любоцинских и других известных семей, здесь проживавших. Их общение осуществляется в формате дружеских встреч и научных заседаний в Клубе жильцов и гостей дома, которому присвоено имя «Ноосфера». Целью создания Клуба было развитие социальной активности посетителей Музея и поддержка инициатив жителей Москвы по выявлению, сохранению и музеефикации своих «личных историй» в культурном контексте города. Учение Вернадского и история его семьи являются приоритетными в программе клуба.

¹ Расстрелян в 1939 году, реабилитирован посмертно.

Рис. 3. Здание ГМИРЛИ имени В.И. Даля (бывший доходный дом Любоцинских). 2020.

Fig. 3. Building of the State Museum of the History of Russian Literature named after V.I. Dahl (the former apartment house of the Lyuboshchinskies). 2020.

О В.И. Вернадском и его картине мира рассказывал на XI заседании клуба (июнь 2021 г.) Г.П. Аксёнов. На XVIII заседании (октябрь 2022 г.) прозвучал доклад Н.А. Трубецкой «Владимир Иванович Вернадский в контексте истории усадьбы и санатория «Узкое». В честь 160-летия со дня рождения учёного в Доме Любоцинских вновь пойдёт речь о наследии выдающегося мыслителя XX века, которому будет посвящён круглый стол с привлечением научной и культурной общественности столицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксёнов Г.П. Вернадский. М.: Молодая гвардия, 2015. 526 с.
2. Вахромеева О.Б. Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие И.М. Гревса. М., 2008. 372 с.
3. Вернадский В.И. Собрание сочинений в 24 томах. Т. 17. М.: Наука, 2013. 662 с.
4. Вернадский В.И. Собрание сочинений в 24 томах. Т. 19. М.: Наука, 2013. 456 с.
5. Вернадский В.И. Собрание сочинений в 24 томах. Т. 20. М.: Наука, 2013. 560 с.
6. Кузмина И.В., Лубков А.В. Князь Шаховской. Путь русского либерала. М.: Молодая гвардия, 2008. 368 с.

REFERENCES

1. Aksenov, G.P., *Vernadsky* (Moscow, 2015) (in Russian).
2. Vakhromeyeva, O.B., *Man with an open heart. Autobiographical and epistolary legacy of I.M. Grevs* (Moscow, 2008) (in Russian).
3. Vernadsky, V.I., *Collected works in 24 volumes 17* (Moscow, 2013) (in Russian).
4. Vernadsky, V.I., *Collected works in 24 volumes 19* (Moscow, 2013) (in Russian).
5. Vernadsky, V.I., *Collected works in 24 volumes 20* (Moscow, 2013) (in Russian).
6. Kuzmina, I.V., Lubkov, A.V., *Prince Shakhovskoy. Path of the Russian Liberal* (Moscow, 2008) (in Russian).